

Тюркский субстрат в российской Евразиаде

*гуманитарное изобретательство, типы литературного изобретательства,
Евразиада, поэтика, художественная практика*

Попытки сформировать новые представления о сути и характере литературы на русском языке в России предпринимались нами и нашими коллегами уже достаточно давно [Сумская 2007; Модусы 2017: 204–206; Современная 2016: 1077–1082; Страницы 2015: 79–84]. Из всех названий мы наконец-то – нисколько не претендуя на окончательность выбора – остановились на «Евразиаде», к которой просили бы отнестись на этом этапе описания явления как к чистейшему образцу гуманитарного изобретательства, способного, на наш взгляд, стать некоей матрицей нового литературного направления. Она базируется на ростках нового интеллектуального сообщества, которое сегодня медленно, но с каждым годом все очевиднее формируется на близком нам по профессиональной и личной судьбе Кавказе. Мы намеренно не упоминаем о существующей здесь уже в течение полутора столетий творческой среде, детищем которой в первую очередь следует назвать так еще мало изученную русскоязычную литературу, с полным правом ныне претендующую на статус инновационного культурного движения, в котором уже всюду дебатировались вопросы художественного стиля пишущих на русском языке авторов, не являющихся русскими по крови, глубоко и нередко не без трагического пафоса размышляющих о происходящих на наших глазах трансформациях художественного языка.

М. Эпштейн так разъясняет суть подобного рода гуманитарных изобретательств: «(…) это новая гуманитарная идея, включающая средства ее воплощения в виде культурных практик, интеллектуальных движений, творческих организаций и форм сотрудничества» [Эпштейн 2016: 220–245]. В сферу гуманитарных изобретений наряду с искусством и философией, религией и психологией, входят и язык с литературой. Никому и в голову не взбретет отказать последней в том, что ею «изобретено» многое, без чего невозможно представить высокообразованного человека: от классицизма и триолета до концептуализма и театра абсурда.

Другой, на наш взгляд, не менее убедительный аргумент историко-культурной действенности гуманитарного изобретательства связан с книгой Генриха Вёльфлина «Основные понятия истории искусств: проблема эволюции стиля в новом искусстве», написанной в 1915 году и переведенной у нас в 1930 году. Книга произвела ошеломляющее впечатление на современников, впрочем, как и на последующие поколения искусствоведов (о чем свидетельствует огромный интерес к ее переизданию в 2009 году), а набравшая тогда силу русская формальная школа даже получила своеобразный карт-бланш, ибо в основание своего трактата Вёльфлин положил выработанный им язык описания, оказавшийся универсальным не только для живописи, скульптуры, архитектуры, но и литературы. «В этом интимный пафос (курсив наш – В. Ш.) объективного по своим научным

методам исследования Вёльфлина, – писал В. М. Жирмунский. – (...) Благодаря этому Вёльфлин создал в Германии моду на барокко, которая отразилась и на литературных вкусах» [Жирмунский 1981: 207].

Естественно, нам в связи с созданием нового литературного проекта также важно было опереться на нечто релевантное, и аналог, без всякого на то усилия с нашей стороны, не преминул возникнуть благодаря памяти о нашей студенческой молодости. Это был разговор со старшим товарищем, преподавателем МГУ, участвовавшим в закрытом обсуждении книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (1975). До того обласканный властью и осыпанный массой всякий наград и званий русскоязычный поэт из Казахстана вдруг издал в Алма-Ате книгу, одна из частей которой была посвящена «другому», как бы сказали сегодня, взгляду на главный памятник национальной словесности «Слово о полку Игореве». Сулейменов изложил свою версию, в которой была подвергнута сокрушительной критике героическая мифологизация облика Игоря. Однако одновременно утверждалось тогда непредставимое – общее в древности бытие Руси с Полем, распространение княжеских браков с тюркскими невестами, благодаря которым возникали военные союзы, наличие огромного пласта тюркоязычной лексики, анализ которой коренным образом меняет главный смысл «Слова», сводившемуся прежде к примитивно понятному патриотизму. «Я впервые заявил, что «Слово о полку Игореве» было написано для двуязычного читателя двуязычным автором, – объяснял свою позицию Сулейменов. – Допустим, русским, который владел и тюркскими языками. Значит, на Руси тогда существовал билингвизм. Я попытался это доказать, опираясь на данные многих древнерусских источников» [Сулейменов 2017: 87]. Этот существовавший на территории нынешней России «руско-славянско-половецко-кипчакский» диалект дает нам основания воспринимать «Евразиаду» не как спекулятивную идею, а в качестве реально существующего художественного явления, объединяющего немалое количество произведений, принадлежащих разным эпохам и разным народам. Что касается самого Сулейменова, то его с полным правом можно назвать научным координатором проекта «Евразиада», предвосхитившим время ее историко-литературной фиксации и научного описания, мужественно преодолевшим «предрассудки христианских, мусульманских и буддийских знаний», в апологетике которых его обвиняли советские идеологи. Из символа когда-то, прямо по Бурдье, злобно и беспощадно гонимого мощным государственным аппаратом «пантюркизма», он воспринимается сегодня - когда забыты сиюминутные политические игры – предтечей не только осознанного художественного евразийства, но и вдохновителем литературного изобретательства, столь остро востребованного в современном литературоведении.

Понятно, что гипотеза Сулейменова не может претендовать на статус универсального языка, выработанного в свое время для различных видов искусств тем же Вёльфлином, но не оценивать сделанное им как серьезный вклад и, что не менее важно, мощный импульс в формирование социально-культурных основ Евразиады, было бы непростительным дилетантством. В то же время, надо честно признать, что такая её нынешняя презентация стала возможной не из-за преодоления страха, связанного с покушением на культурные стереотипы, который продолжает владеть многими

представителями академической среды, а во многом благодаря тотальному безразличию к гуманитарной сфере всякого рода «генеральных менеджеров», давно поставивших на гуманитаристике жирный крест ввиду отсутствия даже прозрачной то нее «выгоды». Сегодня нам всем, свидетелям ренессанса евразийских идей, кажется абсурдной сама мысль о том, как во времена травли Сулейменова никто не вспомнил о знаменитой концепции Трубецкого (не говоря о плеяде лучших отечественных умов, сформировавших в эмиграции новое учение), который еще в двадцатые годы прошлого столетия представил убедительные доказательства прочного культурного взаимодействия русских со многими сибирскими и центральноазиатскими народами. Задолго до лингвистических разысканий казахского поэта Трубецкому удалось выявить одновременно и «материальные» свидетельства (речь идет о лексических заимствованиях, родстве корней и флексий), подтверждающие это сходство, но и, что для нас особо ценно, наличие структурно-системных или типологических сближений между языковыми формами, куда относятся фольклорные мотивы, функциональные схождения в обрядах и многое другое.

И как бы кто ни относился к проблеме авторства «Слова...» для нас несомненным остается признание этого памятника словесности главным доказательством особого типа межэтнических культурных взаимоотношений, сбалансировано и уравновешенно (как это было возможно по тем временам) существовавших уже в XII веке на территории, ставшей к XX веку центром одной из крупнейших империй мира. Такое утверждение позволяет нам совершенно естественно признать «Слово о полку Игореве» первым произведением евразиады, авторы которой во все последующие времена проявляли необыкновенную чуткость к своеобразию исторического пути России, порождающую особое творческое самочувствие. Оно в немалой степени уже с XVI века опирается на идею «Нового Иерусалима», замысел которой стал опорой и импульсом для важнейших геополитических проектов, дань которым отдал такой гений русской литературы, как Николай Васильевич Гоголь. Что не мудрено, ибо само словосочетание «Новый Иерусалим» любим христианином, равно как иудеем и мусульманином, связано с верой на обретение гармонии, счастья и торжества справедливости. Её художественным воплощением мы склонны считать и расцвет русскоязычной литературы в XX-XXI вв., особенно в ее вершинных проявлениях в книгах Ч. Айтматова, Р. Бухараева, Ф. Искандера, Г. Айги, А. Кима, авторов, которых трудно упрекнуть в апологетике тоталитаризма, воспринимавших социалистические идеи в контексте христианской мечты о Святой земле, в пересоздание ее образа на всей территории России.

Из выделяемых Эпштейном типов гуманитарного изобретательства нас в данном случае привлёк экспериментальный тип, нацеленный на создание или нового приема, или нового жанра, или типа повествования, то здесь явное предпочтение за лидерами русскоязычной литературы, прежде всего, «Ташкентской поэтической школы». Создаваемую ими литературную реальность критик Т. Колмогорова сравнивает с Пизанской башней, она «наклонена»: «И чем сильнее отклоняются авторы от правил художественного строительства, тем интенсивнее вовлекается читатель в «дистраивание» [Колмогорова 2015]. В творчестве этой школы Колмогорова справедливо усматривает особый пассионарный пафос, своим происхождением обязанный

феномену «полукровства», связанному совсем не со смешением этнических «кровей», а с определением – для одного из нас, полукровки, родившегося на самом краю Кызыл-кума – особого менталитета, который ощущается в каждом, близком по этому свойству рождению. «Особый менталитет и особое художественное мышление вырабатываются не механическим сложением разнонаправленных установок, а их умножением, интеграцией. Акцент «особости» перенесен внутрь субъекта творчества, следовательно, меняются и отношения между субъектом творчества и субъектом сотворческого восприятия» [Колмогорова 2016: 119]. Отсюда, возможно, апофеоз параболы, столь органичной именно для символического иносказания, присущего поэтике евразиады, с ее совмещением прямого и иносказательного планов, чем было всегда примечательно, надо отдать должное, творчество старейшего из ныне живущих «русского азиата» – Тимура Зульфикарова.

Скорее фрагментарно, без широкой и громогласной манифестации нового направления (как было, к примеру, с «новым реализмом», как-то «китчево» представленного публике С. Шаргуновым и В. Пустовой) в приложении к евразиаде представлен еще один, выделяемый Эпштейном, программный тип изобретательства. Нынешние писатели, к примеру, Улугбек Хамдам, Афанасий Мамедов, Эльчин, Юруслан Болатов, Борис Чипчиков, в отличие от своих предшественников из Серебряного века, изложению теоретических взглядов предпочитают публикацию таких произведений, жанровый формат которых как бы делает ненужным описание их эстетического своеобразия. Возникает вопрос о релевантности всякого рода деклараций самому нашему времени, хотя В. Губайловской в аннотации на новую книгу уроженца Узбекистана В. Муратханова «Ветвящееся лето» (прямо указывает на безусловное родство автора с «классиком» Ходасевичем, одновременно) отмечает одну из важнейших черт не-русских творцов Евразиады: «Он стал русским поэтом, но язык, как выясняется, – еще не все. <...> В поэзии Муратханова есть ощущение горького необратимого разрыва» [Губайловский 2018: 206].

Что касается системного типа, когда изобретательство охватывает разные области творчества, то здесь мы только назовем талантливого ученого, писателя, актера Ирлана Хугаева из Владикавказа, написавшего блестящую монографию о генезисе русскоязычной литературы, сыгравшему «героя нашего времени» в кинокартине и написавшему на грани авангардистского эксперимента повесть о сотканной из неврозов личности современного интеллигента. Хотя стоит упомянуть и о выставке «Павильон «Кавказ» на 6-ом Московском биеннале, созданной художественной группой «Безудержные», каждый из участников которой настаивает на своей анонимности ради реализации открытой П. Бурдьё двойственности позиции наблюдателя. Она очень близка многим современным евразийцам, родившимся в каком-то одном локусе, внутри определённой региональности, но работающим и живущим в другом, из-за чего порождается ситуация вовлеченной отчужденности. Появления самого предмета «Евразиада» представляется нам отражением современных интеллектуальных поисков того, что принято ныне определять как «объективно материальное», «фактически и процессуально наличествующего вне эпистемиологической позиции субъекта», создающего надежду на «выявление предметности, конкретности, вещественности, осязаемости самой материи искусства»

[Голышко-Вольфсон 2016: 251]. Новая материалистическая поэтика примечательна повышенным интересом к материальности (образа, речи, дискурса, мышления) и, по сути, ведет речь именно о вещественной материализации дотолем невидимого и сокрытого» [Там же].

Эти свойства отчетливо проявляются в творчестве азербайджанских писателей, которые и сегодня продолжают писать на русском языке, тем самым подтверждая его роль и статус в ситуации межкультурного пограничья. Это и Р. Ибрагимбеков, рассказ которого «Храм воздуха» многими жителями Кавказских Минеральных Вод воспринимается как великая песня человеческой любви. Это и М. Ибрагимбеков с повестью «Обжалованию не подлежит. Хроники переходного периода», в которой создан абсолютно достоверный образ азербайджанского Дон-Кихота – Сеймура Рафибейли, по первому зову страны и сердца отправившегося в 1941 году на войну, попавшего в плен, воевавшего в отряде французских партизан, а по возвращении, как и сотни тысяч его соотечественников, попавший в списки неблагонадежных. Это и крупнейший ученый-филолог, писатель, переводчик, публицист Чингиз Гусейнов, своим многогранным творчеством открывший миллионам читателей азербайджанский мир. Всегда с нетерпением ждут читатели новых очерков и эссе знаменитого бакинского публициста Э. Агаева. Настоящим открытием образа современной азербайджанки стал рассказ Г. Агамамедовой «Эмигранты».

Литература

Голышко-Вольфсон Д. Гуманитарное знание как (бес)полезное ископаемое / Д. Голышко-Вольфсон // НЛО. – 2016. – №2 (138) – С.246–256.

Губайловский В. О книге Вадима Муратханова «Ветвящееся лето» / В. Губайловский // Книжная полка Владимира Губайловского. – Новый мир, 2008. – №4. – С.201–207.

Жирмунский В. М. Избранные труды. Из истории западно-европейской литератур / В. М. Жирмунский. – Л. Наука, 1981. – 304 с.

Колмогорова Т. Выдох на усилии. «Умри, или Новая книга обращений» / Т. Колмогорова // Дружба Народов, 2016. – №12.

Колмогорова Т. Этнокультурное своеобразие картины мира. О рассказах С. Афлатуни, В. Муратханова, И. Одегова, А. Торка, С. Янышева / Т. Колмогорова // Вопросы литературы, 2015. – №1.

Сулейменов О. «Мне нужна ситуация борьбы и соперничества» / О. Сулейменов // Фергана. – М.: Информационное агентство, 2017. – С.87.

Сумская М. Ю. Российская эмиграция в Европе: проблемы правовой, социально-экономической и культурной адаптации в 20-30-х гг. XX века. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук / М. Ю. Сумская. – Пятигорск, 2007.

Шульженко В. И. Модусы художественности и типы чтения в алгоритме литературного образования школьников / В. И. Шульженко, М. Ю. Сумская // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук: теоретические и прикладные аспекты. Сборник научных материалов по итогам международной научно-практической конференции, 2017. – С.204–206.

Шульженко В. И. Современная литературоведческая русистика: евразийские корреляции "кавказского текста" / В. И. Шульженко, М. Ю. Сумская // Динамика языковых и культурных процессов в современной России, 2016. № 5. – С.1077–1082.

Шульженко В. И. Страницы "неофициальной" войны в "кавказском тексте" русской литературы / В. И. Шульженко, М. Ю. Сумская // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. – ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова, 2015. – С.79–84.

Эпштейн М. О гуманитарном изобретательстве / М. Эпштейн // НЛО. – 2016. – №2. – С.220–245.